

Весна на поле битвы

Станция Прохоровка. У путей хлопчут трофейщики Первого Украинского фронта. Звонкое весеннее эхо разносит по округе: — Раз, два, взяли!

Немецкий танк с перешибленной пушкой втаскивается на платформу. Поодаль — огромное разномастное стадо обгоревших развороченных снарядами машин. Капитан, вытирая вспотевшее лицо, жалуется:

— Девятый месяц таскаем. Сколько их наворочено! А фронт наш в Румынии — догоняй его теперь.

Танки стянуты с Прохоровского плацдарма. Это небольшой клочок забурьяненного, покрытого ржавой немецкой рухлядью поля, в трех верстах к юго-западу от Прохоровки. Сколько светлых надежд народа сбывается, и сбывается еще, благодаря битве, разыгравшейся тут прошлым летом.

Здесь то историческое место, где, как и в старину у Бородина, русская сила пересилила вражескую. Именно здесь, всей накалившейся добела ненавистью народной врагу было сказано: «Хватит. Пора тебя гнать». 12 июля на этом поле сцепились в страшной смертельной схватке сотни наших и немецких машин. У немцев это были последние конвульсии их летнего наступления. Отчаявшись пробить нашу оборону на обоянском шоссе, они повернули сюда, к Прохоровке, чтобы, овладев ею, ринуться к Курску. Наши танкисты на рассвете, выйдя навстречу врагу, отставали не просто это поле и не только Прохоровку и Курск. Они вышли доказать оружием то, что к этому времени уже созрело в душе народа: великую надобность и возможность немедленно, сейчас же опрокинуть и погнать немца, и не просто за прохоровские высоты, а вообще погнать его — за Днепр, за Днестр, туда, куда его загнали сегодня и загонят завтра.

Колонны сшиблись на рассвете, и гигантский скрежешущий клубок раскаленных машин до вечера кружился по полю в бесшумной пляске.

Ночью уцелевшие танки врага повернули вспять, а через несколько дней именно с этого поля наши войска вышли в свой освободительный поход на запад.

Когда здесь, у истоков великого наступления, думаешь о Прохоровской битве, то кажется странным и обыденным все, что происходит сейчас вокруг исторических мест. Через поле, где когда-нибудь вырастут гранитные монументы, колхозница на корове везет семена. Рядом два старика, опершись на башню «Фердинанда» спорят, пора ли им бороновать яровые...

Это кажущаяся обыденность. На самом деле именно в этом спокойствии, в том, что вопреки немцам все здесь возвращается в свою колею, — в этом и есть настоящее величие неистребимой жизни.

А в том, с каким всепобеждающим упорством люди строят и ладят по камушку эту жизнь, в том, с какой настойчивостью преодолевают они трудности, видно величие народного духа, который помог родине отбить врага и помогает ей сейчас воскресить израненную войной землю.

На прошлой неделе в родное село Прелестное заскочил участник июльской битвы танкист Андрей Рудов.

Он ехал по полю битвы, разгоряченный воспоминаниями, и не заметил, как машина вкатилась в село. Возглас удивления вырвался из груди солдата. Родное село, которое он покидал летом, выжженное дотла, село, где в последний раз он, прячась от бомб, в дыму и пламени, искал хоть одну живую душу, — это село воскресшее стояло перед ним, сверкая новыми улицами нарядных домов. У школы, которую он в июле оставал тлеющей, копошился разноголосый ребячий

муравейник. А возле отчего дома, подправленного и посветлевшего, Андрей заметил гигантские шаги. Две девчонки, высоко вскидывая ноги, катались вокруг столба.

Дух захватило у солдата. Он, выдавший вида человек, которого война отучила удивляться, был потрясен переменами внешнего облика родного села, улицы, дома. И в хату он вошел как-то бочком, весь охваченный волнением. Мать бросилась к нему с поцелуями, но отец, сам старый солдат, видно, чтоб скрыть свою нежность к сыну, узнав, что Андрей едет из Румынии в Харьков, буркнул:

— Ну, вот, люди воюют, а ты катаешься!

И сын, больно ужаленный этим упреком, присел к столу и молча стал хлебать щи, поставленные перед ним матерью.

Отец сидел поодаль и смотрел на грубые, натруженные руки и обветренное лицо солдата. Он заметил серебряную медаль на пропыленной гимнастерке и старику стало жаль ни за что, ни про что обиженного им сына, который вот уже третий год трудится и бьется на самом переднем краю. И старик, чтоб как-нибудь загладить конфузный случай, начал, будто ни к кому не обращаясь, говорить о селе. Рассказал, как вернулись они к пепелищам и стали таскать на себе бревна; как на коровах вспахали и посеяли, и как женщины в зимнюю стужу за пять километров носили в поле навоз; сказал, что всем миром подправили они школу. Упомянул про Пелагею Казаченко, ту самую, что прошлой весной отличилась на кошке траншей. Андрей знал ее — те, кто копал здесь окопы, были на весь фронт прославлены газетой. Гвардейская дивизия, залепившись за эти окопы, неделю билась, окруженная немцами, и не сдала села. И сам полковник приезжал потом благодарить прелестненцев за добротные укрепления.

Сын слушал, лицо его светлело и щемящее чувство обиды уступало место просторному и радостному чувству удовлетворения. Он подошел к старику. Вспомнил, как перед битвой, сын так же вот заскочил в хату и, глядя в беспокойные, ищущие утешения, глаза отца, сказал ему:

— Погоди, папаны, мы их повернем! — и усакал туда, где изготавливались к атаке танки.

А сейчас был черед отца и он, махнув рукой, сказал сыну:

— Да что там говорить! За войной дело! А мы свое-то отстроим!

Прелестное переживает свою весну. И как остролистые ржавые всходы сперва тянутся вверх к солнцу, а потом кустятся и разрастаются вширь, так и село сейчас поднялось и уже кустится и богатеет. Председатель колхоза «Путь Ленина» инвалид войны Илья Подчасов подсчитывает, сколько скота и птицы имеет артель на первом году возрождения. Он выводит нас на улицу, и мы видим вереницу новых домов и груды леса, уложенного у еще оставшихся развалин.

Люди строятся и примечательно, что строятся-то они не как-нибудь, а по-настоящему — солидно и навсегда. «Почему долго строить не начинаешь», — спросил секретарь райкома у Марфы Шевченко, — лес-то уж навозила. Хватит тебе на хату». «А мне не хата нужна», — ответила женщина, — я вот леса подбавлю, да такой дом отгрохочу к приезду мужа, залобуетесь!»

И действительно, все три сотни строений, поднявшихся в Прелестном — это просторные и светлые дома. Жизнь, нарушенная битвой, возвращается в село не как гость, а как хозяйка. Она врастает в землю прочными корнями. И именно это сознание прочности и вековечности жизни, возрождаемой на пепелище, и

поднимает людей на необыкновенные дела.

В колхозе «Крестьянская новь» мы встретили Ефросинью Нетесину, известную в этих краях ефремовку. Это знатный человек — делегат и довоенных и уже нынешних областных совещаний передовиков. В ее поступках пожалуй ярче и выпуклее видны те чудесные свойства характера нашей колхозницы, которые проявились в эту войну. Нетесина просто докладывает, что ее звено нынче провело на участке весь комплекс передовой агротехники. Они посеяли рано и удобрили поля, и подкормили и проборонили посевы. О Нетесинной говорят — «мастер компостов», и она действительно пробует нынче на своем участке три разных сочетания удобрений. И если во всем этом еще не видно ничего удивительного, то удивительно то, каким великим напряжением сил достигнуты эти результаты.

В звене Нетесинной 9 многодетных солдаток. Звеньевая подсчитывает — всего у них на руках 26 ребятшек! Колхозницам трудно жить: танки вытоптали урожай, и к весне стало туго с хлебом. Нет мужчин, и нелегко самим ладить разбитые хаты. И еще трудно оттого, что каждая из них денно и нощно волнуется о судьбе любимого человека. Сама Нетесина третий год ждет не дождется вестей от мужа, и каждый раз вздрагивает, увидев почтальона.

И вот эти женщины, обремененные семьей, хозяйством, удрученные горем, трудятся с таким завидным усердием, с таким задором, что подстать молодым. Звено всю зиму возило и носило удобрения. Но вот Нетесина вернулась с областного совещания передовиков. Она приехала в село какая-то приподнятая и особенно жадная до работы. С тех пор звено за месяц выработало 480 трудовых, а сама Нетесина — 971! Это были трудные трудовые. Колхозницы сели на коровах, а навоз продолжали носить в мешках и вынесли его уже за время сева 200 центнеров. Они все носят на себе — и семена, и суперфосфат, и аммонселитру со станции. Вдоволь натрудившись, выполнив две, а то и три нормы за день, они вечером всем звеном отправляются за лесом для хат. У Нетесинной дом насквозь пробит снарядами, а у ее соседки — Марии Нетесинной, вдовы фронтовика, сожжен написто. Солдатки ютятся на кухне и лунными ночами помогают плотникам вязать сруб нового жилья.

Они не скрывают: да, трудно им. «Придешь ночью домой, гудят ноженьки, а надо и детей накормить, и постирать, и в хате прибрать. Но ничего, переживем это, нам бы урожай свой взять», — говорит Нетесина, — и строгое ее лицо вдруг озаряется совсем девичьей улыбкой. Видно, что все лучшее, чего ждет от жизни женщина, она связывает с урожаем. И победа, и возвращение любимого, и расцвет села, и отдых, и счастье — все это имеет у нее одно имя — у-р-о-ж-а-й! К нему она стремится душой и сердцем. И потому неутомимы старания, неистощима инициатива этой женщины, когда речь идет об урожае.

Выходим за околицу. Вновь расстилается перед нами священное поле июльской битвы. Оно испещрено ржавыми остатками немецкой рухляди. Кажется — это сама смерть оставила тут свои следы. Но вопреки смерти, покрывая собой желтые пятна, пробиваются и тянутся к солнцу всходы нового хлеба. Они кустятся и сплошным, сверкающим зеленым, ковром накрывают многострадальную землю. Так сама жизнь, расцветающая весной, награждает своих творцов богатырей, доблестно отстоявших ее от смерти и не менее доблестно строящих ее сейчас на израненной битвой земле.

Г. РАДОВ.

с. Прохоровка, апрель.

Сокол Черноморья

Безумству храбрых поем мы песню.

М. Горький.

Летчики не любят звонких фраз. Но подполковника Любимова сами они называют соколом Черноморья. Он словно рожден для борьбы — Иван Любимов, прославленный летчик — черноморец. Когда знакомимся с его боевыми подвигами, невольно вспоминается гордый горьковский сокол, который, будучи повергнут на землю, мечтал о небе и счастье битвы.

В селе Глушково, Курской области, где Иван Любимов родился и вырос, он наверное был озорным и неутомимым хлопцем. Он устремился в авиацию не по прихоти, а по зову сердца. И в авиацию морскую — там, на грани двух могучих стихий морской и воздушной, было где развернуться его русской натуре.

Кто хоть раз видел Черное море, сохраняет привязанность к нему на всю жизнь. А Иван Любимов летал на Черном море много лет подряд, и кипарисы Крыма стали ему такими же близкими и родными, как и глушковские тополя. Просторы моря и курские поля слились в его сознании в одном понятии: Родина, которую он любил всем сердцем и для защиты которой готовил себя.

И когда июньской ночью 1941 года прозвучал сигнал боевой тревоги, первым в небо Севастополя поднялся со своей истребительной эскадрилей Иван Любимов. Страна мирно спала и миллионы советских людей еще не знали о нападении немцев, а Иван Любимов уже совершил свой первый подвиг. В ослепительных лучах прожекторов он разыскал немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111», точным огнем прижал его к воде, сразил меткой очередью и утопил в Черном море.

Счет, открытый в первую ночь войны, рос непрерывно. В первые два месяца войны летчики эскадрильи Ивана Любимова сбили 32 фашистских самолета, 6 самолетов уничтожил командир эскадрильи.

Вот что произошло 9 октября 1941 года над Перекопом.

С группой наших истребителей Иван Любимов сопровождал штурмовиков. Когда советские самолеты возвращались обратно, им преградили дорогу «Мессершмитты». На каждый советский истребитель приходилось по 5 фашистских машин. Пять против одного! Но черноморцы смело приняли неравный бой. И первым среди них был Иван Любимов.

Тщетно пытались гитлеровцы пробиться к штурмовикам. Иван Любимов и его товарищи каждый раз преграждали им дорогу. Тогда «Мессера» оставили в покое штурмовиков и всей силой навалились на истребителей. Но этого то и добивался Иван Любимов!

Короткой и страшной была завязавшаяся схватка. На Любимова набросилось несколько «Мессеров». Одна очередь попала в кабину — вздрезки разлетелась доска приборов. Острая боль пронизала голову, руки и ноги летчика. Конец? Нет до конца еще далеко. Пока стучит мотор самолета и бьется сердце — в бой! Стремительный маневр, и самолет Любимова несется навстречу врагу.

Еще несколько пулеметных очередей пронизали машину. Летчик серьезно ранен, но он не выходит из боя.

Все меньше сил у Любимова, все трудней управлять израненным самолетом. Любимов увидел, что к хвосту машины пристраивается пара немецких истребителей. С лицом, поблескивающим от человеческого напряжения, он разворачивает самолет в лоб немцам. Они не выдерживают огня и отваливают в сторону. Напрягая последние силы, Любимов планирует к своей территории и сажает израненный самолет в голую степь. Выйти из кабины он не может — нет сил.

Два немецких самолета пикируют и с бреющего полета расстреливают Любимова. Первым же выстрелом из пушки наносится тяжелое ранение в ногу. Любимов укрывается под мотор. Горячее масло, бензин льются на него, смешиваясь с кровью. Немцы пикируют снова и решив, что русский летчик убит, уходят.

...Любимов — в госпитале. Ему ампутируют ногу. Казалось, летная биография закончена. Но встают перед глазами чудесные берега Крыма — на них хозяйничают немцы. Встают в памяти родное Глушково — и там немцы. И зреет решение: летать, во что бы то ни стало летать — во имя мести и победы.

В сентябре 1942 года вышел Любимов из госпиталя. Ему дали истребительный полк. Техники переделали управление самолетом так, чтобы протез не мешал летчику водить машину, и подполковник Любимов открыл счет мести за свои раны.

170 вражеских самолетов уничтожили питомцы Любимова. В июне 1943 года полк был преобразован в гвардейский, а Ивану Любимову родина присвоила звание Героя Советского Союза и доверила командование крупным авиационным соединением.

Мы не знаем, где нынче, над какими широтами реют быстрые крылья истребителей Ивана Любимова. Но знаем и верим: не будет от них пощады врагу, не ослабеет их воля к победе и не иссякнет храбрость.

Безумство храбрых славит сегодня родину. За ними — за смельчачами — победа. В. ВОЛЖСКИЙ.

Сверху на снимке: командир Н.ой авиаэскадрильи гвардии подполковник Герой Советского Союза Иван Степанович Любимов.